

Сочинения по произведениям Владимов Г.Н.

Верный Руслан

- 1. Верность убеждениям – тяжкий груз или спасение?**
- 2. Рецензия на повесть Г. Н. Владимова "Верный Руслан"**

Верность убеждениям – тяжкий груз или спасение?

Произведение Г. Владимова «Верный Руслан» является своеобразным отчетом о тех «чудесах» и «великих делах», которые свершались в сталинские времена, и которые почему-то больше смахивают на трагедию целой страны, целой эпохи... Автор словами, глазами, ушами, и, наконец, мыслями собаки передал весь ужас, творившийся после смерти Сталина. Этот период запомнился русским людям навсегда. Он оставил в истории русских людей несмываемые следы или, точнее, шрамы, которые никогда не заживут и не затянутся, а, наоборот, останутся клеймом, напоминавшим русскому народу обо всех тех страданиях, которые им пришлось пережить, и они, слава богу, пережили...

Наш герой — верный Руслан, персонаж одноименной повести Георгия Владимова. Кто такой верный Руслан? Преданный цепной пес режима? Жертва обстоятельств?

Руслан, немецкая овчарка (судя по описанию), конвойный лагерный пес, который остается без работы, поскольку наступила хрущевская оттепель. Лагерь расформирован. Вожатый-конвоир, который в повести именуется Хозяин, прогоняет собаку. Она больше не нужна. Руслан убегает в соседний поселок и там прибивается к бывшему заключенному, ныне поселенцу. Этот Потертый и его сожительница тетя Стюра становятся новыми хозяевами Руслана. Собачьими глазами увиден окружающий мир. В стране, где в каждой семье хотя бы один человек прошел через тюрьмы и лагеря, героем становится конвойный пес. *

Верность Руслана становится никому не нужной, он с ужасом в глазах оглядывается вокруг. Его потерянные глаза все время чего-то ищут, но никак не могут найти. А ищут они колючую бесконечную проволоку... А в панику впадает пес, потому что чувствует, что никогда больше не найдет он лагерей, огражденных этими страшными проволоками. Но гордая натура не может смириться с правдой и продолжает искать сгнившие корни диктаторства. Он борется с этим непонятным новым, просто не зная, что такое свобода, и для чего она нужна людям.

... Да, впрочем, и вышек не было! И не было нигде проволоки — проволоки, с которой и начиналось-то всё, для неё-то и забивался первый же кол!

Руслан не служит больше, но не забыл службу. Здесь Георгий Владимов описывает такие сцены, когда лагерные собаки, оставшиеся без дела, встречали на вокзале в поселке поезда с надеждой, что снова приедут вагоны с заключенными. Свобода не просто не привычна для Руслана — она для него неприемлема, а воспринимает он ее как временную.

... Он должен быть там, на платформе, когда загорится красный фонарь, и в знакомый тупик медленно втянется поезд с беглецами...

Он ждал и дождался. Служба еще раз позвала Руслана. Все другие собаки, точно по команде, молча, беря колонну в оцепление, стали занимать свои привычные места.

... Прилепилась даже ослепшая Аза и безошибочно заняла свое место – она ходила четвертой слева...****

Бывшие его товарищи не изменили службе. Вот они все здесь, снова вместе в одном общем строю. И не было грани собачьей радости...

Это произведение о людях, которые создали режим, и которые служили режиму.

И каково же было их изумление, когда их «хозяин» вдруг внезапно терял точку зрения, отказывался от тех убеждений, которых раньше всегда придерживался. Они до конца в это не верили. Многие умирали с криком: «Да здравствует товарищ Сталин!». Поэтому такие люди и являются «отличниками по злобе», и жертвами режима, но они же и палачи.***** И тут возникает вопрос: хороший или плохой этот пес. Плохой, потому что служил режиму, этому злу, которому нет прощения. Но вместе с тем, Владимов все время говорит: «Но ведь собаку-то испортили!». То есть некие люди исказили живое хорошее существо:

... Господа, вы убили человека, что вы сделали?

Владимовская книга пронизана отчаянием. Возникает вопрос: «Кто виноват? Кто сделал из замечательного пса Руслана вот это самое оружие?».

Я первый раз увидела и поняла то, что свобода может быть «бедой». Да, да, именно бедой для тех забитых людей, перед которыми в один прекрасный день открылись все ворота, и им впервые сказали, а не велели, идти, куда они пожелают, только вот куда именно, им не сказали, а сами лагерники этого не знали.

Люди были в замешательстве, многие плакали, желая вернуть то ужасное, но, по крайней мере, привычное прошлое, чем совсем неопределенное настоящее, да и будущее. Ну и к чему привела такая свобода? К отсутствию каких-либо представлений о

том, что же будет с ними дальше... Кто укажет правильный путь, кто направит их? Ответ на это не знал никто. Обретя то, о чем все они так долго мечтали, они не находят ей применения. Слишком уж люди привыкли к постоянному сопровождению и наблюдению злых, но точно знавших, что делать, конвойных собак.

В повести с проблемой, «став свободным», сталкиваются не только лагерники, которые провели целые дни и ночи, а чаще месяцы и года в суровых условиях заключения, но и сами лагерные собаки. Дело в том, что люди в образе Руслана без хозяина жить не привыкли, да и не могут. Они всегда ищут себе хозяина. Причем, какой хозяин, совершенно, не важно. Служба требовала повиноваться, а не рассуждать.

Верный Руслан – это весь наш народ. Хотя Владимов придерживается выбранной образной системы: его герой- система, и все должно было быть увидено глазами собаки. Но одна фраза там проскакивает: «Люди все свои, советские, какие же могут быть секреты? Таких гнид из нас понаделали, вспомнить любо...» Вот это как раз и показывает, что писал он все-таки о людях, его волновал сам человек. Ведь он всегда пытается с помощью мифа о собаке перевести весь разговор на людей.

Одной из проблем является то, когда человек привык служить и кроме службы ничего больше не принимает, но ведь были и люди, которые могли жить в той реальности, не имея свободы и даже не претендуя на нее. Служба всегда права – это девиз Верного Руслана. А Трезорка ведает и преданность, и любовь, и способность думать, самому принимать решения. Благодаря этим Трезоркам люди выжили. Это были люди, которые строили, несмотря на то, что их ссылали те, которые выращивали, несмотря на то, что у них отбирали.

Это были люди, которые умели верить и надеяться. Неприкосновенная свобода, инстинкт этой свободы были не характерны Верному Руслану. Именно их отсутствие отличало его от понимания и стремлений Ингуса. Казалось бы, две лагерные собаки, которых обучали одному и тому же – службе. Но нет, Ингус смог сохранить в себе эти природные инстинкты, несмотря на постоянное нахождение в лагере. Он знал, что там за проволокой есть нечто такое, что превосходит всю эту службу и дрессировки. Стремление к свободе и воле выражается его близостью с природой.

... Что же он делал там, в лесу, когда его настигли? Устроил, видите ли, «повалысики» в траве, нюхал цветы, разглядывал какую-то козявку, ползущую вверх по стеблю, и, как

за мороженый, тоскующими глазами провожал ее полет...

В то время как Руслан боготворит весь этот режим, Ингусу эта система противна, он остается при своем мнении, за что потом сам и поплатился. Но кто сказал, что смерть Руслана была в чем-то лучше? Ингус умер свободным созданием природы, он сам выбрал себе смерть, а не просто подчинился воле хозяина. Но это не явилось уроком для Руслана, он, наоборот, нашел его поступки глупыми и неоправданными. Но читатель-то понимает, как далек был Руслан от истины...

Так вот Руслану просто не хватило силы вырвать себя из крепких рук диктаторства, не смог он освободиться из железных оков, которые, в конце концов, сломали ему шею.

Подумать только, каким бы спасителем мог явиться Руслан, если бы приучили его к другой службе! На какие пустые, но что намного хуже, губительные деяния были растрчены его храбрость, чувство собственного достоинства, наконец, уважение к человеку и товарищу. Так что же получается, что эта слепая и глупая, точнее, тупая руслановская верность убеждениям была лишь огромным грузом, которая тянула его вниз, и не принесла ему никакого спасения.

Рецензия на повесть Г. Н. Владимова "Верный Руслан"

В свидетельствах "поднявшихся из ада", в книгах о сталинских лагерях, которые так пристально читают в последние годы, мир заключенных, мир следственных кабинетов, полуподвальных камер и изоляторов виден глазами тех, кто прошел через кровавую мясорубку, через арест и следствие.

Охранник и заключенный, жертва и палач отделены друг от друга линией более непреодолимой, чем колючая проволока, сквозь которую прорывались, однако, люди, стремящиеся к свободе.

Об одной из таких попыток — лагерные стихи А. Жигулина. Вернее, даже не о попытке, а о повторяющемся кошмаре погони, в которой лагерный опыт внес свои атрибуты: луч прожектора, вышку, ребристый ствол автомата и страх, ужас человека, который пытается бежать, но никак не может уйти от преследования.

Овчарки лают где-то в двух шагах.

Я их клыки оскаленные вижу.

Я до ареста так любил собак.

И как теперь собак я ненавижу!

Я посыпаю табаком следы.

Я по ручью иду, чтобы сбить погоню, —

Они все ближе, ближе...

Сквозь кусты

Я различаю красные погоны...

А что, если посмотреть на мир тюрьмы глазами тех, кто носит эти самые красные погоны? Или вовсе глазами собаки, мчащейся по посыпанному табаком следу? Что чувствует она, настигая бегущего?

“Восторг повиновения, стремительный яростный разбег, обманные прыжки из стороны в сторону — и враг мечется, не зная, бежать ему или защищаться. И вот последний прыжок, лапами на грудь, валит его навзничь, и ты с ним вместе падаешь, рычишь неистово над искаженным его лицом...”

Это цитата из повести Г. Владимова “Верный Руслан”, широко известной на Западе и ставшей доступной сравнительно недавно.

Запрещенная к печати в семидесятые годы, но все равно читаемая, повесть “Верный Руслан” воспринималась как отчаянно смелое обвинение режиму, покалечившему не только человеческие судьбы, но и человеческие души. “Увидеть ад глазами собаки и посчитать его раем” — так сам автор определил главную проблему “Руслана”.

Вадимов взялся за очень трудную задачу. Речь идет об искажении природы, в сущности, прекрасной, о дрессировке сознания людей, без которой была бы невозможна победа той идеи, что человека можно осчастливить через насилие.

Что знает о жизни главный герой повести — умный сторожевой пес Руслан? Что значит для него, к примеру, счастье? Ночные бдения с хозяином, когда они несут службу, и возле них добро и тепло, а там — весь огромный мир с его злостью и пакостями.

Что такое порядок? Бараки в два ряда, вышка, колючая проволока да глаз прожектора, освещающий лагерь. Что такое долг? Охранять этот порядок, оберегать его, не подпускать заключенного к колючей проволоке, не давать ему возможности выйти из строя, а если тот вышел — заталкивать обратно.

Но вот однажды этот мир рухнул. Флаг, развевающийся над лагерем, был снят и брошен на землю, огромные ворота, которые по всем правилам должны были быть закрыты, распахнулись. Лагерь опустел, а ужасного вида человек на своем урчащем тракторе делает то, за что раньше стреляли без окрика: ломает забор с колючей проволокой.

Как тут не зарычать, как не подготовиться к прыжку, ожидая услышать: “Фас, Руслан! Фас!”

Но нет долгожданной команды. Что же это происходит? Крушение порядка, крушение мира... Свобода не просто непривычна для Руслана — она для него неприемлема, а воспринимает он ее как временную.

Ему очень хочется, чтобы его “рай” — старый мир с его порядками, размеренная лагерная жизнь и все, что несла она с собой, — вернулся. Поэтому и бегаёт он на платформу ждать, когда приедет поезд с заключёнными. Другие собаки уже забыли о долге, предали службу, перешли к “вольняшкам”, а Руслан все ждёт. Что чувствует он, выброшенный из своего мира?

Брошенность, утрату смысла существования — вот что испытывает Руслан. Но он не может смириться с тем, что его “рай” не вернется никогда. “Он ждал — и дождался. Кто так неистово ждёт, всегда дождется”, — говорит Владимов.

Однажды на запасной путь приходит поезд с молодыми рабочими, которые сами выстраиваются в колонны, и собаки вспоминают о своем долге, начинают эти колонны конвоировать.

“Какой эскорт!” — шутят рабочие, не понимая зловещего смысла происходящего. Но вскоре он доходит и до них, как дошел до тех людей, которые наблюдали.

Однако нет у колонны конвоира, который бы предупредил: “Шаг вправо, шаг влево...” И кто-то обязательно сделает этот шаг — упадет с разодранным горлом.

В развернувшемся побоище людей и собак суждено погибнуть Руслану: ему перебили позвоночник, и потертый бывший заключенный, которого Руслан “счел себя обязанным охранять, пока не вернутся хозяева”, не видит иного выхода, кроме как добить пса.

Пока я читала эту повесть, меня мучил один вопрос: кто Руслан — палач или жертва? Я сочувствовала псу, который гордо отказывался от еды, потому что кодекс собачьей чести предписывал брать ее только из рук хозяина. Сочувствовала тогда, когда, отыскав хозяина, Руслан готов броситься ему на помощь, чтобы оградить от беды. Но беда не пришла, просто бывший заключенный положил руку на плечо хозяина, и Руслан был вынужден тихо сидеть в стороне, сгорая от желания ринуться к хозяину и лизнуть ему руку, и верить в то, что его наконец увидят и позовут.

Сочувствовала тогда, когда пес часами сидел на платформе в ожидании поезда, а потом бежал в лагерь доложить: поезда нет.

Виноват ли Руслан в том, что честно несет свою службу? Виноват ли в своей преданности? Владимов снимает ответственность со своего героя и возлагает ее на тех, кто его учил.

“— Хрен с ним, ребята, не надо дразнить, — сказал солдат. Он все сидел в пыли, раздирая рукав и заматывая локоть.”— Он служит.

— Никто не дразнит, — сказал мальчик. И возмутился: — Так это он, оказывается, служит? Какая сволочь!

— Да никакая, — сказал солдат. — Учили его, вот он и служит”.

Книга необычайно интересна прежде всего тем, что в ней рассказывается о существе, находящемся по ту сторону колючей проволоки, но с более искаженной судьбой.

“Господа! Хозяева жизни! Мы можем быть довольны. Наши усилия не пропали даром. Сильный и зрелый, полнокровный зверь, бегущий в ночи по безлюдному лесу, чувствовал на себе жестокие, уродливые наши постромки и принимал за радость, что нигде они ему не жмут, не натирают, не царапают”.

В своей повести Владимов показал истинную трагедию преданности. И если представить, что под собачьими кличками и образами скрыты люди, то станет еще больнее за судьбу тех, кто служил несправедной идее. Служил по-своему честно, но оказался не нужен. Разве виноваты они в том, что их служба оказалась неверной, ложной, а жизнь их — навсегда искалеченной?